

„Человек с портфелем“

Кто он, человек с портфелем, этот деловой субъект с безукоризненными манерами и внешностью типичного интеллигента? Понять его нелегко, заглянуть внутрь — невозможно. Всех, с кем он имеет дело, он держит на расстоянии, его святая святых — душа — ограждена непроницаемым щитом равномерия и холодного спокойствия, его суждения, высказанные ровным голосом, точны и кратки. Как ученый, он очень авторитетен и ценится высоко. По крайней мере, по мнению директора института, «Гранатов — превосходный, знающий работник. Очень энергичный, с большой инициативой, с выдумкой и по многим признакам вполне наш».

«По многим признакам вполне наш»... Для того времени, когда появилась пьеса Алексея Файко «Человек с портфелем», о герое которой идет речь, фраза эта не была случайной. Пьеса писалась автором в конце 20-х годов. Грандиозные задачи культурного строительства в молодой советской стране упирались в острый недостаток кадров. Те, кто должны были пополнить их ряды, еще только проходили семинары и сдавали зачеты. Их подготовка находилась в руках весьма пестрой по своему составу и умонастроениям старой интеллигенции, которая мало-помалу самой логикой событий вовлекалась в культурное строительство в новых условиях. Правда, среди старых деятелей науки было немало и таких, что честно служили своему народу еще до революции и теперь отдавали весь свой опыт молодежи. Но немало было и таких, что только в силу обстоятельств оказались в лагере белоэмигрантов. Скрепя сердце, они вынуждены были сотрудничать в советских учреждениях. Приспосабливаясь к новым условиям, последние если и не вели подрывной деятельности, то оставались хо-

Гастроли Московского драматического театра в Кишиневе

лодными к самой сущности выполняемой ими работы, безучастными соглядатаями великого процесса закладывания новой социалистической культуры. Понятно, что в таких условиях характеристика «наш» или «не наш» имела далеко не маловажное значение.

Так кто же Гранатов — «наш» он или «не наш»? Артист А. Преснецов не стремится навязать нам мнение о нем. Он как бы предоставляет зрителям возможность наблюдать своего героя в различных положениях, избегая показывать свое отношение к нему. И все же у нас сразу, в первые минуты нашего знакомства с Гранатовым, складывается мнение не в его пользу. У нас еще нет никаких прямых доказательств его враждебности или, по крайней мере, его чужеродности, но непреодолимая антипатия, которую он внушает как человек, только усиливается с каждой новой сценой. Отнести это следует прежде всего на счет драматурга, видимо и не стремившегося хоть в чем-то ослабить или прикрыть отрицательные характеристики, которыми он наделяет постоянно героя.

Носильщик выказывает неудовольствие платой за свою работу. Удобно устраиваясь в купе поезда, Гранатов жестко отвечает ему: «Я знаком с установленной таксой и не вижу никакой необходимости ее превышать». На сетования носильщика далее следует ледяной ответ: «Я вас не задерживаю ни на одну секунду». В малозначительных случаях, которым люди не склонны придавать особого значения, они раскрываются часто всего полнее. «Недобрый человек!» — думаем мы о Гранатове, став сви-

детелями его разговора с носильщиком.

И когда далее на наших глазах проходит целый ряд еще более характерных случаев, мы уже определенно видим, что человек этот дурен. Гранатов убивает и сбрасывает под откос несчастного Лихомского, но не за то, что тот подл и низок, а из не менее низких побуждений — избавиться от человека, знающего о его прошлых грехах перед советской властью. Из того же подленького страха за свою шкуру этот респектабельный, выложенный мужчиной, не преминувший, конечно же, при случае блеснуть тонким обхождением с прекрасным полом, отказывается от своей жены, вернувшейся из эмиграции, остается безучастным к судьбе ее и собственного сына, чем и доводит ее до самоубийства. Гранатов бессердечен к матери, души не чающей в своем Димочке. Он хладнокровно и расчетливо наносит удар своему учителю, профессору Андросову, когда кандидатура того выдвигается на пост заместителя директора института...

Некоторые из этих неблагоприятных поступков неизвестны окружающим его людям, но и тех, что были им ведомы, было бы достаточно, чтобы судить о его качествах со всей определенностью. К тому же и краски, которыми рисует его облик исполнитель, — его надменная манера держаться, его сухость в обращении с ними, доходящая до чопорности, черствость и почти неприкрытый эгоизм — все это лишает героя и тени объяснения, даже подобия человечности.

Артист словно вырезает облик Гранатова на металле. Но стремление исполнителя дать как можно четче этот облик приводит к тому, что герой предстает перед нами слишком уж однообразным, несколько монотонным, статичным. Все это можно оправдать одним обстоятельством. Герой постоянно находится в окружении людей, от

которых он вынужден скрывать свои подлинные намерения, свои истинные цели. Это заставляет его быть постоянно настороже. Отсюда его сдержанность, собранность, умение владеть собой. Вскостью суждений и деловитым видом Гранатов прикрывает свое настоящее отношение к людям, свое презрение к ним.

Но в сцене, когда Зина (полубившая его аспирантка) отбирает у него револьвер, Гранатов сбивается с взятого им тона. Посмотрите, как откровенно фальшива его патетика, как картинна его поза. Кончив свой монолог, обращенный к Зине, он стоит, отвернувшись от нее и подняв голову, пока она рассматривает вынутое им из ящика стола оружие. Не думается, чтобы Зина могла поверить столь откровенной игре, особенно же при ее повышенном интересе к этому человеку. Надо очень много искренности, чтобы убедить собеседника в своем крайнем отчаянии, и не зря же Зина не поверила ему, когда он в первый раз упомянул о револьвере. А ведь в том-то и дело, что на этот раз Дмитрий Ильич был вполне искренним, когда пожаловался Зине на жизнь, на то, что его душит лезущее изо всех щелей прошлое и что ему неоткуда ждать помощи. «Да, может быть, — как он сам добавил, — и не за что»...

Как ни странно, но и тогда, когда Гранатов предъявил на заседании коллегии серьезные обвинения профессору Андросову, он был... искренним, хотя кому же, как не ему, было лучше знать, что прегрешения, выдаваемые им за настоящие, относятся к давнему прошлому. Это тот род искренности, который нередко чувствуется в тоне человека, говорящего заведомую ложь, но такую, какую он сам страстно хотел бы видеть правдой. Сцену эту артист проводит превосходно.

В финальной сцене сам Гранатов дает исчерпывающий ответ на вопрос о своей социальной принадлежности. С той же ожесточенностью, с какой боролся этот чело-

век, снедаемый непомерным честолюбием, за свою карьеру, обнажает он перед собравшимися на его доклад работниками института свою душу. А затем кончает с собой.

Драма Гранатова является закономерной. Это драма человека, который, говоря его же словами, «начал служить революции и победившему классу как лукавый наймит, который всегда сумеет угодить своему хозяину». Своей исповедью, порицанием своих путей в науку, методов, какими он добивался успеха, Гранатов самолично ответил на поставленный перед ним вопрос, сознавшись, что он «не наш».

Идея пьесы получила в спектакле яркое художественное воплощение. Усилиями режиссера, заслуженного деятеля искусств РСФСР и Азербайджанской ССР С. Майорова на сцене воссоздана та атмосфера жизненной правды, которая заставляет поверить в реальность происходящего. Яркими деталями передан колорит времени. В этом особая заслуга принадлежит художнику, заслуженному деятелю искусств РСФСР М. Виноградову, сумевшему просто, экономно и чрезвычайно выразительно оформить сцену. В декорациях чувствуется вкус, знание эпохи.

В этой же манере — строгой и сдержанной — выдержана игра исполнителей. Мизансцены ясны и логичны, в движениях, позах актеров ощущается та естественность и непринужденность, которые достигаются длительной и упорной работой над ролью. Хочется отметить свободное владение текстом исполнителями, что обуславливает плавное, «разговорное» течение

диалогов. Вообще «Человек с портфелем» — спектакль высокой сценической культуры.

Трудно выделить кого-либо из исполнителей, настолько крепок ансамбль актерской игры. Даже эпизодические образы характеризуются теми или иными черточками, благодаря которым они запоминаются. Здесь можно назвать Софью Валентиновну, технического секретаря (М. Новикова), профессора Замошина — духовного родича главного героя (Ю. Розов), директора института Башкирова (Г. Всеволодов), Стеблицкого (Ю. Багиня) и Клиоха (А. Васин), честно исполняющих свой долг ученых, и других.

Точностью характеристик наделяют своих героев артистки Д. Казьмина и Л. Богданова, исполняющие роли Зины и Гоги. Д. Казьмина тонко передает сдержанность чувств своей героини, в душе которой любовь борется с неясным для нее самой подозрением, неверием в своего возлюбленного. Это и мучает ее и заставляет еще сильнее тянуться к нему. Гога в исполнении Л. Богдановой весьма характерен. Он сочетает в себе непринужденность манер, детскую непосредственность и внутреннюю чистоту, благодаря которой распознает сущность своего палача. Сцена, в которой Гога узнает о смерти матери, — одна из самых сильных в спектакле.

Большое впечатление оставляет также сцена, в которой профессор Андросов пытается отвести удар Гранатова. Народный артист Узбекской ССР Н. Никомаров создал впечатляющий, художественно цельный образ человека, становящегося жертвой собственной доверчивости. Очень хорош Андросов в доме Гранатова во втором действии. В лице заслуженной артистки РСФСР З. Зорич, играющей роль матери Гранатова Аделаиды Васильевны, Н. Никомаров имел прекрасную партнершу, ведущую роль в спокойной, уверенной манере. Этими же чертами отличается и исполнение роли Ксении артисткой Г. Васковой, сумевшей избежать налета надрынности в раскрытии душевной драмы этой раздавленной жизнью женщины. К сожалению, не всегда удалось соблюсти чувство меры артистке Л. Петровой, исполняющей роль Марьи Памфиловны. В ее игре ощутимы элементы шаржа. Другие герои примерно этого же плана — Никандр Редуткин (Н. Иванов) и Лихомский (Н. Евстигнеев) оставляют цельное впечатление. Как типы своего времени, они убедительны и своеобразны.

Спектаклем «Человек с портфелем», показанным в прошлую субботу, Московский драматический театр начал свои гастроли в Кишиневе. В тот же вечер состоялось чествование коллектива московских артистов. От имени общественности молдавской столицы с приветственным словом выступил старейший деятель сценического искусства республики народный артист МССР Д. Г. Лысенко. Ответное слово от имени гостей произнес артист С. Соколовский, поблагодаривший зрителей за теплый прием.

В. ШИРОКИЙ.

„СОВЕТСКАЯ МОЛДАВИЯ“

29 июля 1958 г.

3 стр.